

0.1 Бог Библии и Бог философии.

Апологеты, а вслед за ними Климент и Ориген, стремясь распространить христианство среди образованных язычников, объясняли Священное Писание в свете философских представлений об идеальном Боге, совершенно бесстрастном, неизменном и вневременном.

На этом пути существовала опасность впадения в крайности. С одной стороны, самое бесстрастное Божество, какое можно себе представить, — это “Единое” неоплатоников, в котором вовсе не может быть никаких страстей, изменений и т.п., так как у такого “бога” начисто отсутствует личность. Таким образом, представление о совершенно бесстрастном Божестве граничит с пантеизмом.

С другой, — то Божество, образ которого возникает при буквальном прочтении некоторых текстов Ветхого Завета (постоянно требующее жертв, ревниво следящее за точностью соблюдения обрядовых предписаний, карающее смертью за малейшие нарушения), — антропоморфно и остро контрастирует с представлениями об идеальном Боге философов.

Традиционное христианство нашло некий баланс в сочетании библейских и философских представлений. Контраст удалось смягчить, не в последнюю очередь, благодаря герменевтике Оригена, использовавшего аллегоризм в прочтении книг ВЗ. Этот метод затем унаследовали многие отцы Церкви.

Однако в последнее время многие богословы видят в этом синтезе излишнее увлечение греческой философией и уклонение от корней. Они высказываются в пользу возвращения к образу “библейского Бога”, который не возвышается над временем, а действует, двигаясь в его потоке вместе с миром. Он гневается, милует, меняет Свои решения, даже раскаивается в Своих действиях. Он, в каком-то, смысле человечнее, Его реакции на события истории понятнее, а общее представление о Нем — менее абстрактно¹.

Между тем, из этой позиции следует целый ряд следствий, многие из которых проблематичны. Например, утверждение о движении Бога в потоке времени означало бы, что Он не знает точно, чем кончится история мира и может предсказать грядущие события только “угадывая” их из уже произошедших событий, или предсказывая на основе вероятностей. Тогда это может означать, что Творец пошел на серьезный риск, создавая мир. Также встает вопрос о Его всеведении и всемогуществе.

С другой стороны, ряд описаний Бога и Его действий в Ветхом Завете ставит ряд непростых вопросов перед современной апологетикой. Мы оказываемся перед лицом проблемы “жестокости” некоторых Ветхозаветных заповедей. Проблема особенно обострилась в связи с особой чувствительностью современного европейского сознания к любому страданию. На этом фоне, например, божественное повеление Иисусу Навину уничтожить ханаанские города многими критиками рассматривается как геноцид, крайне жестокое преступление. Принимая ВЗ

---

¹Так, одним из апологетов (сдержанного) буквализма является Т. Моррис.

как часть Священного Писания, христианство должно реагировать на такие обвинения, предлагая актуальную апологию, а не обиженно замыкаться в себе, находя утешение в перебирании знамен своих прежних побед.

Возможным ответом на критику могло бы стать аллегорическое толкование в духе ранних апологетов. Однако такой подход для современного общества является малоубедительным. Другим традиционным решением является так называемая теория божественной заповеди (ТБЗ), которая считает благом только то, что соответствует воле Бога (все остальные действия, даже по-видимому, добрые, на самом деле благом не являются). Однако у этой теории есть свои недостатки, которые будут рассмотрены ниже. Можно также рассматривать теорию постепенного развития и аккомодации. Каждый из этих подходов обладает своими достоинствами и недостатками, но это реальный ответ на критику. А неполный ответ — лучше чем никакого.

В конце концов для богослова-традиционалиста соединение библейского и философского взглядов на Бога неизбежно. В нашем сознании глубоко утвердилось представление о Боге, как всесовершенном Существе, причем в самом возвышенном смысле. Более того, этот синтез присутствует в христианстве с самого начала (достаточно вспомнить начало Евангелия от Иоанна, в котором используется греческий термин “ὁ Λόγος”, общий для христианства и философии). Продуманная философская основа позволяет достаточно успешно защищать христианство в современном мире, и Основное богословие пытается представить такой фундамент.

Перед современным богословием стоит задача отстоять христианский синтез, продолжив эту традицию в духе древних апологетов и отцов Церкви. На этом пути стоит воспользоваться современными достижениями философии (если уж синтезировать, то желательно использовать свежие идеи, которые доказали свою полезность).

В первую очередь необходимо определиться с тем, возможно ли вообще что-то знать о Боге.